

Зимой 1946 г. в газете «Орловская правда» (№ 223, 3 дек. С. 2) была напечатана статья московского критика Ивана Астахова «Обеднение героя. О рассказах Андрея Платонова», обвиняющая писателя в «снижении высокой идейности», «каратаевщине» и других грехах. Оказывается, однако, что Астахов изначально планировал публикацию своей статьи не в провинциальной газете, а в журнале «Знамя», куда отдал первый ее вариант летом 1945 г.

23 июля статья была прочитана литературными редакторами Софьей Разумовской¹ и Верой Острогорской. Их мнение было следующим:

АСТАХОВ — статья о Платонове.

Статья ничего не добавляет к тому, что уже не раз писалось о Платонове. К тому же точка зрения автора статьи на творчество Платонова не слишком определена. Свои суждения Астахов высказывает в какой-то уклончивой манере: это не хвала и не порицание, а нечто находящееся посередине. Можно по-разному относиться к творчеству А. Платонова и многое в нем не принимать, однако же с основным положением статьи — Платонов, мол, совершенно бесстрастен в изображении человека, когда он пытается заглянуть во внутренний мир своих

героев, — согласиться трудно, как, впрочем, и с теми положениями, что Платонов вообще чрезвычайно редко живописует внутренний мир человека.

Статья написана профессионально, но после статей Гурвича о Платонове интереса не представляет².

С этим отзывом без лишних слов согласился Анатолий Тарасенков: «Согласен. А. Тарасенков 24/VII. 45»³.

По какой-то причине лишь спустя месяц по поводу статьи Астахова высказались Л. Тимофеев и Н. Тихонов (неизвестно, была ли статья хоть как-то переработана, или речь шла о ее первоначальном варианте):

И. Астахов — рассказы Платонова.

Статья интересная и острая, с основными ее положениями нельзя не согласиться. Думаю, однако, что в статье есть недостатки. Она несколько разбросана. Основной упрек Платонову: есть крестьяне, нет колхоза; есть современные события, нет современных характеров и т.п. Повторяется в статье несколько раз в различных вариантах, надо было бы это устранить. В некоторых случаях автор слишком строг: нельзя требовать от рассказа истории героя, его прошлого и т.п. Это все же не роман.

Наконец, некоторые положения недостаточно аргументированы, в особенности же упреки, которые адресованы Платонову на стр. 12.

Думаю, что надо просить автора еще поработать над статьей в этих направлениях.

26.VIII.45. Л. Тимофеев.

Очень сумбурно написанная статья. И упреки в недостатках, и похвалы замешаны с таким количеством неясностей и неточностей, что блуждаешь, как в тумане.

Если редакция найдет нужным печатать на эту тему статью, то надо заново ее писать. М.б. нрзб автору поручим, но с абсолютным прояснением темы.

30.VIII.45. Н. Тихонов⁴.

Отметим, что на первом этапе обсуждения эта статья как будто еще не имеет определенного заглавия. В октябре того же года Астахов опять появляется в «Знамени» с новым вариантом статьи о Платонове под заголовком «Плоды эпигонства». В этот раз предложенный текст, как нам кажется, вызывает большее одобрение у членов редакции:

И. Астахов. «Плоды эпигонства».

Это статья о творчестве Платонова. Первый вариант наша редколлегия забраковала. Автор сильно переделал статью. Она стала лучше, серьезней. Можно ее было бы напечатать после серьезной правки. Однако я прошу высказаться членов редколлегии.

1 ноября 45 г. Ан. Тарасенков.

Мне кажется, что поправки должны быть серьезными, т.к. самое название статьи: «Плоды эпигонства» — название резкое и в своем содержании несправедливое по отношению к такому талантливому и с особыми чертами писателю, как Платонов.

Иные положения статьи серьезны. Там, где автор говорит о Каратаеве, об условности, о спорности литературного метода Платонова. Но «Знамя» журнал,

который привык давать на своих страницах только тщательно обсужденный материал. Предлагаю все-таки говорить о Платонове не только как об эпигоне, указав и на все недостатки его творчества.

Н. Тихонов⁵.

Очевидно, что упоминание о Платонове Каратаеве просто не могло оставить Тихонова равнодушным, поскольку именно Тихонов заявил о нежелательном возвращении этого героя в военную литературу и в этой связи упомянул Платонова в своем докладе «Советская литература в 1944–1945 гг.», произнесенном в мае 1945 г. на X пленуме правления Союза писателей:

...Мне хочется сказать еще про одну разновидность литературного героя — это уже будет не общий, и не необщий, а просто не тот герой, который выходит иногда на первое место. Не по заслугам выходит... Уже в книге А. Калинина «На юге» бродит такой старичок... Он понадобился автору, чтобы расширить образ борющегося народа, чтобы создать некий символ, полный глубокого содержания. Но, кроме раздражения и недоумения, этот представитель народной души ничего не вызывает своим богумольно-христианским видом.

Так появился на страницах наших произведений о Великой Отечественной войне и Платон Каратаев в новом, несколько измененном виде.

Такой Каратаев есть и у Андрея Платонова, искусного и острого писателя. Это Агеев в «Обороне Семидворья». Но его Каратаев — старший лейтенант, и когда он получает отказ от начальника прислать подкрепление, он — Агеев — «положил трубку и подумал в молчаливой печали: — он правду говорит, трудно сейчас нашему народу, весь мир он несет на своих плечах, так пускай же мне будет труднее всех».

Когда Агеев умирает, «его предсмертный, изнемогший дух снова возвысился в своей последней силе, чтобы и в гибели рассмотреть истину и суще-

ствовать согласно с ней... И в отрочестве своим от уходящей жизни Агеев доверчиво закрыл глаза». Такие Агеевы встречаются и у других писателей⁶.

С легкой руки Тихонова о каратаевщине в творчестве Платонова в 1946 г. выскажутся затем Г. Бровман (Заметки о художественной прозе 1945 г. // Новый мир. 1946. № 3. С. 176) и А. Рашковская (А. Платонов «В сторону заката солнца» // Ленинград. 1946. № 3–4. С. 47). Волею случая Астахов окажется в этом ряду на последнем месте.

Далее статью «Плоды эпилепсии» одобряет и входящий в редколлегию «Знамени» полковник М. Толченев:

О статье И. Астахова.

Я согласен с установками статьи И. Астахова. О названии статьи можно, конечно, спорить, но по существу оно и правильное и справедливое. Мне кажется совершенно бесспорным, что герои Платонова по своему мировоззрению — это не современные советские люди. Статья И. Астахова нуждается в доработке: ее нужно сделать более компактной, направленной. Следует также, по-моему, указать на недостатки языка А. Платонова (герои Платонова говорят часто таким языком, что трудно понять).

10.11.45. Толченев⁷.

Казалось бы, шансы на публикацию этого текста все более и более возрастали, но последнее слово осталось за Константином Симоновым:

В целом я не против статьи Астахова. В общем, это серьезная и толковая статья, но против одного пункта ее я возражаю категорически. Кажется, Астахов — достаточно серьезный человек, чтобы понимать, как выглядит и как будет звучать его обвинение, адресованное Платонову, о злостном нежелании последнего изображать колхозную жизнь. Во всяком случае, это недостаточно доказательно в статье. Ни творчество Платонова, ни его, может быть, не-

достаточно отмеченная, но самоутвержденная работа во время войны не дает оснований предъявлять ему сейчас резчайшее и серьезнейшее политическое обвинение, к которому сводятся по их смыслу абзацы статьи Астахова на тему, о которой я уже упоминал выше. Я против выдвижения такого обвинения, адресованного Платонову, и если она останется в таком виде, то, следовательно, я против статьи⁸.

Дальнейшая история статьи оказывается включенной в еще более широкий контекст общественно-партийной жизни. Известно, что в начале 1946 г. Астахов получает выговор от Комитета партконтроля при ЦК ВКП(б), а через какое-то время и вовсе уезжает из Москвы (возвратился в 1948 г.). Впрочем, до этого он успевает поучаствовать в кампании по осуждению журнала «Знамя», развернутой зимой 1945 г. Д. Поликарповым⁹. Возможно ли, что хоть в какой-то степени на это его сподвигла обида за отвергнутую статью о Платонове?

Статья «Обеднение героя», увидевшая свет в Орле, оказалась, конечно, меньше, чем первый вариант, включавший, как следует из отзыва Тимофеева, не менее, а, скорее, и более 12 страниц. И все же от главных своих тезисов Астахов отказаться не мог и не хотел.

Взяв на вооружение все ту же «каратаевщину», критик разоблачал «духовный облик» платоновских героев:

В некоторых рассказах Платонова мы встречаем героев бесстрастных, тихих, равнодушных, безропотных и покорных. Ни ужасы войны, ни страшные картины разрушений не вызывают в их душе ни возмущения, ни ненависти.

Невольно возникает вопрос: откуда это смирение и безропотность, равнодушные и бесстрашие?

Мы вспоминаем одного из героев классической литературы, которому действительно были свойственны и покорность, и смирение, и совершенное

беззловобие, и одинаковая ко всем любовь. Имя этому герою Платон Каратаев.

Странно, очень странно, что герои рассказов Андрея Платонова оказываются в таком близком родстве с Платоном Каратаевым. Для Толстого Каратаев — олицетворение той части крестьянства, которая всего полнее выражала смирение и непротивление злу насилею. Эта часть крестьянства во второй половине прошлого века и в начале нынешнего века представляла наиболее отсталую, пассивную, темную, забытую и, как говорит Ленин, «заскорузлую» деревню.

От этой деревни в наше время не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Герои рассказов Андрея Платонова лишь немногими чертами напоминают современных людей: современными являются главным образом обстоятельства, в которых они действуют, т.е. обстоятельства войны. Что же касается их духовного облика — он либо остается нераскрытым, либо раскрыт в плане литературных рекомендаций.

Знакомясь с рассказами «Добрая колова», «Бой в грозу», «Три солдата», «Никодим Максимов», «В сторону заката солнца», в которых преобладает элемент героики, отваги и самоотвержения, мы невольно задаем вопрос: почему автор повествует в столь спокойной и бесстрастной манере о событиях, которые никак нельзя назвать рядовыми, которые являются исключительными, героическими?

Нам кажется, что автор рисует исключительное и обыденное одними и теми же красками не потому, что в военной действительности этого различия не было, а потому, что его интересует не столько индивидуальность героя, сколько возможность высказать свои собственные суждения по поводу изображаемого. Это своеобразное безразличие к природе героического приводит к тому, что изображаемые героические события и самые участники этих событий не обращают на себя особого внимания. На передний план всегда выдвигается авторская сентенция.

Здесь выражается некое уравнительное отношение к обыденному и исключительному, к рядовому факту и героическому подвигу. Такое смешение представлений приводит к творческому, а, следовательно, к идейному безразличию.

Ограничивая пределы изображения внутреннего мира героя, показывая по преимуществу черты бесстрастия, покорности, незлобивости, Платонов не столько раскрывает внутренний мир реального советского человека, сколько идет по проторенным литературным тропам, уводящим его в сторону от реальной жизни. Это неизбежно приводит к обеднению, стандартизации героев, к снижению высокой идейности. <...>

Поразительно, до какой степени схожи в своих переживаниях персонажи, до какой степени обеднен душевный мир людей. Какая безропотность, какое смирение, какая незлобивость! Откуда это? Неужели наша действительность воспитала, взлелеяла такие чувства, такой духовный облик? Нет и нет. Все это идет не от нашей действительности, а от старых литературных влияний, от каратаевщины.

Осталось в статье и то, против чего так резко возразил Симонов, — упрек в умолчании о колхозах:

Духовный облик советского солдата, пришедшего в армию из колхозной деревни, неизмеримо богаче и ярче тех тощих литературных абстракций, которые выступают под видом современных героев в некоторых рассказах Платонова.

Поверить в реальность Ивана Толокно или Кузьмы — значит согласиться, что мир стоит на месте, что духовный облик крестьянина нисколько не изменился со времени Льва Толстого.

На самом деле все обстоит иначе. Мир очень сильно изменился. Русский крестьянин, проживший больше четверти века при советской власти, далеко шагнул вперед. Это — новый человек нового мира. Но этого нового, рожденного миром социализма, слишком мало в рассказах Платонова. <...>

В рассказах Платонова есть одна странность, невольно обращающая на себя внимание: героями являются, главным образом, солдаты, пришедшие в армию из деревни; для этих солдат, как они сами говорят, «война против фашистов — такое же святое дело, как хлебопашество»; но ни один из этих солдат, даже ненароком, даже в порядке воспоминания ничего не говорит о своем колхозе. Как будто они за всю свою жизнь ничего и не слышали о колхозах.

О «неисправимости» Платонова и по завершении войны в глазах Астахова свидетельствовал рассказ «Никита», напечатанный в «Новом мире» уже во второй половине 1945 г. (№ 7. С. 82–84):

Но привычное остается привычным. Недаром Ленин говорил: «Сила привычки — страшная сила». Эта сила довлечет, от этой силы автор либо не хочет, либо не может освободиться.

И, повинувшись этой силе, снова выступает с рассказом, в котором проявились, как в капле воды, все уродливые особенности его устарелой манеры. <...>

Неужели Платонов может серьезно думать, что эти безыдейные вымыслы могут представлять интерес для искусства? Почему такие нежизненные, безыдейные сюжеты привлекают внимание автора? Почему автор растрчивает свой талант на вздорные и никому не нужные «чудеса»?

Видимо, Андрей Платонов крепко сжился с привычной манерой, не хочет с ней расстаться. Ему можно сказать: чем больше ты упорствуешь в своем заблуждении, тем хуже для тебя.

Как можно видеть, по итогам своих рассуждений критик фактически счел возможным обратиться к Платонову с прямой угрозой, и, надо признать, угроза эта оказалась пророческой. Совсем скоро, в январе 1947 г., на писателя обрушился шквал обличений в связи с публикацией рассказа «Семья Иванова».

Что касается других пересечений Платонова и Симонова во 2-й половине 1940-х гг., то с осени 1945 г. последний был вовлечен еще и в обсуждение платоновского сборника «Вся жизнь», и так уж совпало, что почти в день выхода статьи Астахова, Платонов писал Симонову следующее письмо:

Константин Михайлович!

Рукопись моей книги «Вся жизнь», набранная в свое время в изд<ательст>ве «Советский писатель», затем пошла на пересмотр в секретариат Союза писателей, а набор книги рассыпан.

Тов. Субоцкий сказал мне, что как только секретариат Союза вынесет свое решение, так это решение будет сообщено издательству.

Все это дело тянется довольно давно, конца ему еще нет. Прошу Вас помочь мне, чтобы в секретариате ускорили решение относительно моей книги. Часть (2-3 рассказа) книги я изменю, т.е. вместо одних вещей поставлю другие, но это я сделаю уже с редактором книги, когда Союз даст указание изд<ательст>ву — издать книгу.

Прошу Вас, если возможно, ускорить решение относительно моей книги.

Ваш Андр. Платонов
4/ХП 1946¹⁰.

В августе 1947 г. Платонов пытается связаться с Симоновым через знакомого ему по работе в «Красной звезде» А. Кривицкого, беспокоясь о судьбе уже трех своих рукописей:

Александр Юрьевич!

Я пишу Вам потому, что не могу увидеться с Вами и К.М. Симоновым лично, в то время как для меня труден каждый день. Прошу Вас как можно скорее переговорить с К.М. Симоновым и вынести решение о моих трех рукописях. Идут ведь неделя за неделей, месяц за месяцем, мое положение стало совершенно бедственным, ничего кроме голода и болезни у меня не осталось, все пер-

спективы исчезли, устраненные людьми, которые желают это делать. Далее невозможно оставаться в таком положении. Следует, чтобы мои дела осуществлялись скорее, иначе можно пропасть. А я знаю, что я могу еще работать и быть полезным человеком.

От Вас и К.М. Симонова я видел лишь достойное отношение и поэтому пишу это письмо Вам и К.М. Привет

Андр. Платонов 16/VIII-47г. ¹¹

В число упоминаемых рукописей точно входят «Избранные рассказы», предназначенные Платоновым для библиотеки избранных произведений советских писателей, издаваемой к 30-летию советской власти¹². Сохранилось оглавление этого сборника: «Третий сын», «Фро», «Июльская гроза», «Бессмертие», «Ты кто?», «Вечная слава», «Броня», «Роза», «Взыскание погибших», «Семья Иванова», но последний рассказ автором вычеркнут и вместо него добавлен «На земляных работах»¹³. Еще одна рукопись — вероятно, сборник «Вся жизнь», хотя отрицательное решение по его поводу уже вынесено на заседании секретариата Союза писателей 25 июля этого же года. Нет пока ясности с третьей рукописью. Может ли это быть сборник с условным названием «Гвардейцы человечества», от которого в архиве писателя остались оглавление и титульный лист?»¹⁴ Ответить на этот вопрос в настоящий момент крайне затруднительно.

Как бы то ни было 13 января 1948 г. Платонов передает А. Фадееву еще один свой сборник — «У человеческого сердца», включающий рассказы: «Июльская гроза», «Вечная слава», «Юность строителя», «Вся жизнь», «Следом за сердцем», «Броня», «Машинист Мальцев», «Роза», «Взыскание погибших», «Бессмертие», «Счастье вблизи человека», «Житель родного города», «Свежая вода из колодца», «В далеком колхозе», «Третий сын», «В 1891 году», «Корова», «Уля», «Сухой хлеб», «Разноцветная бабочка», «Червь», «Голубь

и горлица», «Никита», «Цветок на земле»¹⁵. Каких-либо писем Платонова к Фадееву по поводу этой книги пока не обнаружено, однако сохранились письма к Симонову от 14 апреля, 5 августа и 25 ноября 1948 г.:

К.М. Симонову

Дорогой Константин Михайлович!

Я узнал, что рукопись моей книжки «У человеческого сердца» (сборник), которая была у А.А. Фадеева, теперь передана Вам и в Секретариат. Если это так, то очень прошу Вас не задержать рассмотрением мой сборник. Я надеюсь, что можно этот сборник (или часть его) издать книжкой. Для этого очевидно нужно решение Союза и указание Г.А. Ярцеву. Прошу Вас помочь в этом мне. Тогда бы я мог иметь заработок, надеяться на выздоровление и дальнейшую работу.

С искренним приветом и уважением

Андрей Платонов

14/IV-48

Тел. К19663

К.М. Симонову

Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Обращаюсь к Вам с просьбой — нельзя ли ускорить решение вопроса по поводу моей рукописи (сборника), т.е. — или направить ее, рукопись, в «Советский писатель» с Вашим решением для издания, или, т. сказать, наоборот.

Дело с этой рукописью продолжается без малого почти год. Вы понимаете, что это трудно, очень трудно. Поэтому прошу Вашего вмешательства.

Жму Вашу руку

Андр. Платонов

5/VIII-48

Привет А.Ю. Кривицкому

<Приписка на левом поле> Рукопись сейчас находится, кажется, у Н.С. Тихонова.

К.М. Симонову

Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Мне сказали, что рукопись книги

(сборник «У человеческого сердца») передана Вам для решения. Прошу Вас, Константин Михайлович, решить наконец участь моей книжки.

Если решение Ваше будет благоприятным, то об этом следует сказать Г.А. Ярцеву — в «Советский писатель», — с тем, чтобы Ваше мнение и мнение других товарищей, которые читали рукопись, было равнозначно, по крайней мере, суждению редсовета издательства; и что поэтому рукопись не следует проводить через редсовет издательства: это просто займет очень много времени.

Если возможно (я знаю, как Вы много работаете), то просмотрите рукопись поскорее; для меня это серьезно и важно, — важно для моей будущей работы и для жизни.

Благодарю Вас за все то, что Вы сделали для меня, — Вы сделали очень многое, и я продолжаю еще держаться и бороться с болезнью. Желаю Вам здоровья и счастья.

Искренний привет и поклон

Андр. Платонов

25/XI-48.

Тел. К19663¹⁶.

Симонов книгу читал, ознакомился он и со мнением о ней Н. Тихонова, небрежный отзыв которого сохранил в своем архиве:

О КНИГЕ РАССКАЗОВ ПЛАТОНОВА.

Платонов талантливый писатель, даже очень талантливый. Рассказы его написаны сильно и красочно. У него своя, непохожая на других, манера письма. У него своя выдумка, свой

язык — напряженный, выверенный, живописный.

Это все несомненно его достоинства. Их можно в данной книге видеть в таких рассказах, как: «Гроза», «Вся жизнь», «Третий сын», «Бессмертная слава» и др.

Но нельзя не остановиться и перед его недостатками. Писатель имеет несомненное пристрастие к темным пятнам человеческой психологии, местами даже нечто мистическое скользнет нетнет на его страницах (напр, рассказ «Пестрая бабочка»). Что-то болезненное присутствует в иных его вещах. Как будто Платонов уходит в эти похожие на формальные опыты вещи, противопоставляя им реальный мир, любуясь придуманными, условными положениями и персонажами.

Если издавать книгу его рассказов, то необходим, во-первых, — строгий отбор произведений, во-вторых, — хороший редакторский глаз, потому что иногда он пишет неряшливо («умерший труп», напр., в рассказе «Бессмертная слава»).

Надо, чтобы из книги были удалены рассказы, вызывающие настороженность и двойственное впечатление своим содержанием.

Н. Тихонов¹⁷.

К сожалению, отзыв самого Симонова, как и в случае со сборником «Вся жизнь», до нас не дошел.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта «Андрей Платонов и его современники: исторические, политические, культурные контексты», № 14-04-00259.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Разумовская Софья Дмитриевна (1904–1981).

² РГАЛИ. Ф. 618. Оп. П.Ед. хр. 4. Л. 144.

³ Там же. Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956) — критик, литературовед.

⁴ Там же. Ед. хр. 5. Л. 64; отзывы напечатаны в подбор. Напомним, что Леонид Иванович Тимофеев (1904–1984) еще в 1938 г. сотрудничал с Платоновым в качестве редактора книги «Н. Островский», см.: Письма. С. 433–434.

⁵ Там же. Оп. 13. Ед. хр. 28. Л. 113; отзыв Тихонова дописан от руки.

⁶ Литературная газета. 1945. 17 мая. № 21. С. 2.

⁷ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 13. Ед. хр. 28. Л. 114. Толченев Михаил Петрович (1897–?) представитель командно-начальствующего состава ПВ ОГПУ НКВД, полковник. Родился в 1897 году, сын царского офицера-дворянина. В ОГПУ-НКВД с 1921 г.

⁸ Там же. Л. 115.

⁹ См. об этом: *Громова Н. А.К.* Тарасенков и журнальная жизнь 1944–1946 гг. // Звезда. СПб., 2009. № 2. С. 144-145.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2679. Л. 1.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2679. Л. 1-2.

¹² Известно, что книгу своих избранных рассказов Платонов сформировал уже к январю 1947 г., 12 марта 1947 г. этот сборник был передан писателем Л. Субоцкому (см.: *Письма*. С. 602, 610).

¹³ ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 47. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 55. Л. 1.

¹⁵ См.: *Антонова Е.* Андрей Платонов в 1942–1945 гг. *II Архив*. С. 422–423.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2679. Л. 2, 3, 4–5.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2644. Л. 1.

